

Андрей Zubov

ИСТОКИ ИМПЕРСКОГО СОЗНАНИЯ В РОССИИ И ЕГО ПЕРСПЕКТИВЫ

Прежде чем обратиться к самой теме, давайте по академической традиции определимся с терминами. Первый термин – «империя». Что такое империя? Сейчас это почти ругательное слово, но, между тем, для научного дискурса важно очень четко его определить. Империя – это не просто большое и не просто многонациональное государство. Скажем, Соединенные Штаты – и большое, и многонациональное государство, но это не империя. Индия – большое многонациональное государство, но его не называют империей. В чем же тут дело? Империя – это не обязательно большое, но составное государство, в котором отдельные его части – национальные, религиозные, территориальные – удерживаются в едином организме силой, тем самым *impregium*, властью, помимо их собственной воли.

Иной, альтернативной империи формой, без которой мы не поймем понятия «империя», является форма содружества, при которой разные общества – разнонациональные, разноисповедные, территориально различные – находятся в одном государственном теле добровольно и имеют свои интересы, которые реализуются в этом едином теле лучше, чем порознь. Это пример Соединенных Штатов Америки, из которых отдельные штаты последние 150 лет выходить не стремятся. Это пример Европейского союза, в который страны вошли и не пытаются из него выйти,¹ а наоборот, стремятся входить новые, так как это для них выгодно. Это та же Индия, где, несмотря на целый ряд сепаратистских

---

¹ Случай референдума в Великобритании по выходу из ЕС – как раз то исключение, которое подчеркивает правило. Против выхода проголосовала почти половина британцев и в британском обществе по сей день существуют очень сильные настроения по пересмотру результатов этого референдума.

конфликтов, подавляющее большинство населения всех штатов и территорий стремится сохранить единое государство. Это, наконец, Британское Содружество Наций (British Commonwealth), которое стало объединением очень многих народов на почве бывшей подневольной империи и превратилось в добровольный союз различных государств. Таким образом, альтернативой империи являются содружества.

Теперь перейдем к теме. Сегодня исследование массового политического сознания, на мой взгляд, приобретает абсолютно новую актуальность, которой не было до конца XX века. Почему? Дело в том, что в XIX и в начале XX века политическое сознание было характерно только для элиты, а широкие массы людей не читали газет и вообще не занимались политикой. Они ограничивались тем, что слышали с церковного амвона или, в лучшем случае, от деревенского школьного учителя. Ситуация изменилась в конце XIX века, когда грамотность в Европе постепенно стала широко распространенной и простые люди стали читать газеты. Тогда впервые возникло явление массового политического сознания. Но это было легко манипулируемое сознание, так как газеты можно было цензурировать и запрещать. Велась борьба за свободу прессы и где-то она увенчивалась успехом, а где-то нет. После появления радио, а потом и телевидения ситуация, в сущности, была та же: сознание стало массовым, но в авторитарном и тоталитарном государстве оно легко подвергалось манипуляции. Мы все помним феномен железного занавеса из Фултонской речи Черчилля, где говорится, что он опустил и отсек одну половину Европы от другой. Соответственно, с сознанием населения можно было манипулировать. Теперь, после появления интернета, после появления таких массовых интернет-ресурсов как Facebook, Twitter, Youtube это невозможно.

Мы помним, что во время Второй мировой войны в странах, завоеванных Рейхом, на радиоприемники ставились специальные надписи «Слушание заграницы карается смертной казнью». В Советском Союзе до последнего времени его существования глушили радиопередачи, а люди пытались что-то прослушать – из этого очевидно, насколько важна эта традиция, ведь за получение неразрешенной информации готовы были жестоко наказывать. А теперь такой ситуации нет и каждый получает ту информацию, которую он хочет. И, казалось бы, реализована великая мечта – интернет открыл мир миру.

Но мы опять говорим об имперском сознании, мы опять говорим об авторитарных тенденциях в сознании людей. Не в политике стран, а в сознании людей. Социологические опросы снова показывают те же агрессивные тенденции. И сегодня мы можем твердо сказать, что эти агрессивные тенденции появляются не из-за недостатка информации. Что эти агрессивные тенденции коренятся

в самом общественном сознании, что политик не формирует сознание с помощью цензуры, а обращается к уже наличествующим формам сознания, актуализируя их. Таким образом, мы должны признать, что само общество, не вследствие его индоктринации, а внутренне, несет в себе те или иные политические ценности. А политик только вызывает их на свет, как заклинатель змей вызывает из своей сумки ту или иную змею.

Теперь мы ясно видим, что человек говорит и утверждает не то, что есть в действительности, а то, что он хочет видеть в действительности. Очень хорошим примером этого является сегодняшняя русско-украинская война. Все русские отлично знают, что русские войска сражаются на Украине или, по крайней мере, появляются там время от времени в ответственные моменты. Но поскольку власть говорит, что войск там нет, люди, не боясь власти, а будучи с ней абсолютно внутренне солидарными, пишут в интернете: «Там войск нет.» А тем, кто говорит: «Ну как же, мы их сфотографировали, мы даже взяли интервью у каких-то солдат регулярной российской армии», отвечают: «Вы предатели, вы предаете свою страну.» Чем предаете? Тем, что говорите не о том, что должно быть, а о том, что есть на самом деле.

Оказывается, правда теряет свою мощную силу и становится лишь помехой на пути утверждения определенных форм сознания, которые присутствуют у того или иного народа. Это все равно что убеждать девушку в том, что молодой человек ее не любит, если она хочет верить в его любовь. Сколько бы вы ни утверждали, она будет только злиться на вас, но не изменит своей веры, своей мечты. То же самое можно сказать и об общественном сознании: имперская идея, то есть идея владения империей – это одно из таких странных мечтаний.

Но откуда берется это имперское сознание? Только ли это русский феномен, вечная особенность русского духа? Русские – империалисты? Или это инерция прошлого? Или это в какой-то степени свойство многих народов, исправимое или неисправимое? Во-первых, можно сказать, что имперское сознание, как и любая жажда обладания, это одна из особенностей человеческой психики, только расширенная до уровня государства. Почти каждый человек желает обладать. Проверьте на своем опыте, если у вас сосед по дачному участку отрежет 5 квадратных метров, что вы ему на это скажете? Каждый, кроме подвижника-аскета, бережет свое и стремится взять еще. На уровне политики это означает, что очень часто государства хотят расширить свои пределы и очень болезненно реагируют на любую потерю территории. Приведу пример Германии. После Версаля Германия лишилась своих колоний, лишилась части своих территорий в Европе, и через 15 лет, апеллируя именно к этим территориальным

моментам, к власти приходит Гитлер. Он обещает Германии восстановить ее величие, ее колонии, вернуть ей земли, потерянные на востоке и на западе. Так начинается второй виток этой имперской традиции. Не случайно Германию эпохи Гитлера называют Третьим рейхом – Третьей империей.

Во Франции перспектива распада империи после Второй мировой войны – потеря Индокитая, война в Алжире – привела в политику правые силы во главе с генералом де Голлем, который обещал сохранить Алжир в составе Франции, но не смог. В Великобритании Фолклендский кризис и кровавая война за никому по большому счету не нужные и почти не населенные Фолклендские острова совершенно неожиданно привели к огромному энтузиазму населения и сделали Маргарет Тетчер одним из величайших правителей Великобритании XX века. Таким образом, даже в демократических странах мы видим, что перспектива утраты империи или борьба за ее сохранение, пусть в такой чисто символической форме, как Фолклендские острова, вызывает мощную реакцию населения. Здесь можно вспомнить, как в 2014 году Англия и Уэльс были погружены в траур, ожидая, что Шотландия отделится от Англии, а также последующее всеобщее ликование – в Англии, а не в Шотландии. Даже в самых демократических странах, даже там, где это уже давно не империя, а «commonwealth», как в современной Великобритании, и где шотландцев ни в малой степени никто не преследует, идея империи все равно вызывает очень сильные эмоции.

Но особенно тяжелая реакция на потерю империи в странах, где нет демократии, где нет массового благополучия жизни и массовой частной собственности. Дело в том, что власть этих стран компенсирует идеей имперского величия державы бедность, несвободу и подавленность, бесправие народа. Власть живет для себя, отбирая у народа право на контроль над собой, отбирая его богатство, но компенсирует это фантомом империи. Там, где люди не имеют возможности осуществить себя в частном бизнесе, стать материально независимыми, сами на себя полагающимися субъектами, там, где они не могут осуществить самоуправление, не имеют возможности построить сами для себя гражданский и политический порядок, им желанный, – там граждане остаются инфантильными, безответственными и потому особо расположены к мечтанию об империи. Империя в таких странах – это дух, это компенсаторные идеи, это компенсация бедности и бесправности людей.

Известно, что самый жестокий рабовладелец – это раб, которому господин поручил управлять другими рабами. Он намного более нещаден к рабам, чем свободный человек. Тот же феномен компенсации через обладание другими характерен имперским народам в несвободных странах. Ведь что дает или давала империя странам демократическим – скажем, Франции или Великобритании?

Она давала дешевую рабочую силу, дешевые полезные ископаемые в колониях – все это позволяло лучше жить народу метрополии. Действовали соответствующие торговые ограничения. И все это вместе взятое действительно делало Великобританию и Францию процветающими странами за счет колоний. Кроме того, такие колонии, как Индия, были прекрасным рынком сбыта британской промышленности, и это также было очень выгодно. Но ничего подобного нет в сравнительно слабо развитых и недемократических колониальных империях. К примеру, в дореволюционной Российской империи многие окраины жили лучше, чем центр. Государственные расходы на Кавказ или Украину были выше, чем расходы в центральной России. Почему? Потому что было важно удерживать окраины страны, в том числе и население этих окраин. То же самое можно сказать о других недемократических империях. Интересно, что в Советском Союзе осталась та же тенденция – Российская Федерация была далеко не самой благополучной республикой СССР. Известно, что она стояла за всеми тремя балтийскими республиками, Белоруссией, Украиной, Грузией и Арменией. Так что империя не приносила выгод населению, она приносила населению только проблемы. Фактически за счет благосостояния имперского народа жила периферия. А кому интересна периферия? Конечно, власти. Потому что власть – российский император или политбюро – услаждалась величием страны, ее могуществом, она играла политическую игру и предлагала народу играть ту же игру, всячески его одураяя и говоря: «Ты посмотри, ты гражданин страны, которая находится в восьми или десяти часовых поясах.» А что калужскому крестьянину с того, что страна находится в десяти часовых поясах? Живет он от этого лучше? Конечно, нет. Но это имперское сознание, внедренное когда-то как компенсация нищеты, несвободы, в царской России как компенсация крепостного права, а потом большевицкой несвободы – оно осталось и сильно до тех пор, пока народ страны не ощутит своего богатства и своей свободы.

Еще до войны с Украиной, в 2012 году, Левада-Центр проводил социологический опрос и обнаружил, что только 27 % россиян довольны нынешними границами России. Остальные мечтали что-то к себе присоединить. Кто Белоруссию, кто Белоруссию и Среднюю Азию, кто Украину, а довольно большой процент, порядка одной трети, мечтал полностью восстановить Советский Союз, включая балтийские государства. Сделало бы это жизнь людей России счастливее? Нет, и они прекрасно понимают, что после этого не станут жить богаче. Но они станут более великими. «Нас будут уважать!» Вы думаете, это чисто русский феномен? Ничего подобного. Недавно мой коллега, русский ученый-синолог, был в Китае и по дороге в гостиницу разговорился с водителем такси.

Водитель говорит: «Ваш Путин молодец, нам бы такого правителя. А то наши ни на что не годятся, они нашу страну американцам продают.» – «А чем же тогда лучше Путин?» – «А он захватил Крым! Вот бы наши захватили Тайвань, это было бы дело! А то они боятся и перед американцами на задних лапках ходят.» Вот, пожалуйста, соседняя страна. Сейчас такая же волна поднимается в Турции. Турки вдруг вспомнили, хотя они об этом на самом деле никогда и не забывали, но сейчас, находясь в довольно сложной экономической ситуации, решили, что их величие вернет восстановление в той или иной форме Османского государства. Отсюда их особое внимание к Сирии, Ираку и так далее.

А исторический опыт? Я уже говорил о Германии, о колониях. Ради колоний и возвращения территорий, потерянных после Версаля, Германия пошла на Вторую мировую войну. В итоге потеряла еще больше территорий, никаких колоний не приобрела, но сейчас народ в Германии живет несравненно лучше, чем в Веймарской республике и в нацистской Германии – спокойнее и намного богаче. И вряд ли немцы были бы богаче и счастливее, если бы в их владении оставался Берег Скелетов (современная Намибия) или острова Тонго. Так что имперский фантом – это прельщение, классическое прельщение, искушение, но он свойственен очень многим народам. Возникает вопрос: Как же бороться с этим искушением, чтобы самому народу было лучше и другим народам, живущим вокруг него, тоже было спокойнее?

Казалось бы, самый простой ответ – это разрушение империи, дать всем подчиненным народам возможность независимого существования. Но те примеры, которые я привел, показывают, что это ничего не решает, потому что имперский народ долго сохраняет имперское чувство, которое в какой-то момент может вспыхнуть, как огонь, и очень много бед принести миру. На самом деле положительные примеры есть – это перевод империи в содружество, в «commonwealth». Здесь мы должны считать очень важным в первую очередь пример Великобритании. Там тоже были колониальные войны, жестокое подавление движения за независимость в Индии в 1930-е годы, расстрел демонстрации в Амритсаре, например, но в итоге Англия нашла модель, при которой отдельные части империи абсолютно независимы и в то же время связаны некоторым единством, даже политическим единством – они все признают своей главой королеву, но остаются независимыми. И сейчас это уже не власть над народами, не власть Великобритании над колониями, а некая форма взаимного мирного сосуществования, выгодная всем. Другой пример – Европейский союз. Сколько Германия и Франция воевали друг с другом? Война за Эльзас и Лотарингию была бесконечной. Миллионы людей были угроблены в этих войнах

даже на протяжении последних двух столетий, начиная с времен республиканской Франции. А как была решена эта проблема? Созданием Европейского союза, когда Франция, Германия и другие страны ЕС фактически создали «commonwealth», где войны бессмысленны и невозможны и где не без труда, но принимаются общие решения, выгодные для всех стран содружества. Вот это и есть правильный выход из ситуации империи. Мир ведь многообразен. Но может ли Россия решить эту проблему подобным образом?

Для ответа на этот вопрос мы должны коротко взглянуть на то, как развивалась имперская идея в России. Она зародилась очень давно. Первым зачатком имперской идеи была идея Москвы как Третьего Рима, идея национальной исключительности, которая появилась в Московском княжестве в конце XV–XVI веках. Смысл этой идеи был в том, что Москва, московский князь – это единственный хранитель истинной веры и правды, а все остальные государства следуют ложным традициям. И поэтому, пусть мы бедные, пусть мы страдаем от деспотии того же Ивана Грозного, но мы, русские, храним какую-то особую истину. Надо сказать, что эта идея национальной исключительности умерла во время Смутного времени и позднее была осуждена на Московском церковном соборе 1666–1667 годов. Эту идею назвали чуждой христианству. Ее сохранили только старообрядцы, которые продолжали умирать за эту идею русской исключительности, за уникальность своей версии православной веры. Если новообрядцы говорили о том, что мы должны стать как другие народы, то старообрядцы говорили: Нет, мы совершенно особый народ, и мы единственные из всех народов спасаемся. Это первая, еще не имперская, конечно, но квазиимперская идея оправдания своей исключительности в мире, которая была очень важным залогом будущего развития имперской идеи.

С начала XVIII века Россия начинает развиваться как империя формально, с Петра Первого. И она действительно становится территориальной империей, объединяющей помимо их воли многие народы: это и народы балтийских стран, балтийские немцы, потом поляки, казахи, украинцы. Постепенно вырастает империя, в которой главной идеей является идея национального светского величия. Религиозная исключительность забывается, церковь оказывается абсолютно подчиненной государству ради одной вещи – ради национального величия огромной империи. При этом 90 % населения этой великой империи являются рабами, чего не было раньше. Церковь тоже является рабом, она подчинена светской власти и даже лишена (небывалый случай для православия!) патриаршего возглавления.

И вместо свободы и благополучия этому нищему и поработанному народу предлагается чувство национального величия: наша страна самая большая

и самая сильная в мире, наш император – самый великий император в мире. Известно, что эта идея кончается полным фиаско, фиаско в Крымской войне 1853–1856 годов. Империя проиграла в пух и прах. После этого начинаются реформы, которые по замыслу реформатора должны превратить эту империю в «commonwealth», приравнять порабощенные народы в правах к русскому народу, дать права самому русскому народу, создать некоторую гражданскую свободу, освободить крестьян и так далее. Таким образом, можно сказать, что империя в чистом виде существует до 1861–68 годов, до Великих реформ, а потом мы видим попытку преобразовать эту империю в содружество. Но попытка эта окончилась полной неудачей, которая ознаменовалась революцией 1917 года.

Из революции 1917 года явилась новая империя, соединившая в себе обе идеи: идею XVI века и идею XVIII века. Речь идет о новой идеократии, новом идеологическом государстве, которое – в отличие от империи Романовых, которая не была идеологическим государством – претендовало на то, чтобы властвовать, причем не над старой Российской империей, а над всем миром. Если мы вспомним герб СССР, это земной шар, на который наложены серп и молот – символы социализма. Но не надо забывать, что основатели советского государства Ленин и Троцкий вовсе не мыслили себя воссоздателями российской империи, включающей бывшие территории России. Нет, они мыслили себя создателями будущей всемирной социалистической республики, о чем прямо говорилось в первой советской конституции: о том, что это начало строительства всемирного государства, всемирной империи. Империи, в которой уже нет имперского народа. Первым народом в царской Империи был русский народ, но в советской империи не было имперского народа, тут была имперская идея, которой должны были покориться все народы. Нечто вроде социалистической вселенской уммы, если использовать терминологию Ислама. Этой советской империи не получилось очень быстро. Уже через 10–15 лет стало ясно, что никакого всемирного государства построить не удастся, все провалилось. И Сталин начинает строить старую территориальную империю, только используя идеи социализма, но на самом деле восстанавливая и по возможности расширяя старую русскую империю. Не случайно он поднимает тост за великий русский народ и вставляет в новый гимн СССР слова «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки Великая Русь». Так же как для старой Российской империи высшей точкой расцвета был 1814 год, вход русских войск в Париж, для советской сталинской империи – уже не идеократии, а именно территориальной империи – высшей точкой являлась, конечно, победа во Второй мировой войне, которую до сих пор очень многие в России

считают величайшим событием отечественной истории. После Сталина советская империя стала трещать по швам и развалилась в 1989–1991 годах еще более бесславно, чем Российская империя в 1917 году. За старую Российскую империю пошли умирать сотни тысяч людей – Белое движение. За советскую, сталинскую империю в 1991 году не пошел умирать никто. Она развалилась и точка. Это было концом третьей империи, если первой считать Московское царство XVI века, второй – Российскую империю, а третьей – советскую империю.

Следует отметить еще один важный момент. Первые 15 лет после победы большевиков в 1917 году идея русского патриотизма всячески принижалась и умалялась, над ней всячески издевались. Ленин считал русское патриотическое сознание самым похабным делом. Характерно стихотворение двадцатитрехлетнего комсомольского поэта Джэка (Якова Моисеевича) Алтаузуна (1907–1942): «Я предлагаю Минина расплавить, Пожарского. Зачем им пьедестал? Довольно нам Двух лавочников славить, их за прилавками Октябрь застал. Случайно им мы не свернули шею. Я знаю, это было бы под стать, Подумаешь, Они спасли Расею! А может, лучше было б не спасать?» В 1931 г. с трибуны VI съезда Советов СССР поэт Безыменский с пафосом произнёс: «Расеюшка Русь! Растреклятое слово...»

Поэтому когда Сталин в 1933–1934 годах объявил о создании на основе русского государства своей территориальной империи, это вызвало огромный энтузиазм. Всех убедили, что возрождается империя, новая империя. Поэт Павел Коган писал перед войной:

*Но мы еще дойдем до Ганга,
Но мы еще умрем в боях,
Чтоб от Японии до Англии
Сияла Родина моя.*

Это совершенно имперские и даже империалистические идеи. Когда имперская идея сначала игнорируется и принижается, как в первые 15 лет большевизма, а потом правители к ней обращаются, это вызывает огромный энтузиазм имперского народа. Народы при этом совершенно несчастны: массовый террор, нищета, лишение всей собственности, гонения на церковь... И очень многие, тем не менее, были в восторге от того, что делается.

Эта идея рухнула. Можно сказать, что Горбачев, горбачевские реформы – это тоже попытка создать «commonwealth» вместо идеи. Но для «commonwealth» все кончилось очень печально – Беловежским соглашением. И новая

Россия первых 15 лет своего существования также принижает национально-патриотическую и имперскую идею и доказывает необходимость строительства демократического общества с частнособственническим хозяйством, которое должно принести всем благополучие. Беда заключается в том, что экономически благополучное общество в России в эпоху Перестройки построить не удалось. Демократия не оправдала себя, люди в ней разуверились. Капитализм оказался олигархическим, разбогател очень узкий круг людей, имеющих власть. А население опять осталось без имперской идеи, без свободы и благополучия. Я имею в виду политическую свободу, так как граждански люди были свободны. Народ остался без политической свободы, реальной демократии и экономического благополучия. Поэтому, когда Путин постепенно вновь обратился к идее имперского величия, а впервые он об этом сказал в 2005 году, после Беслана, это сразу заставило многих прислушаться, и имперские силы опять оживились. Но, конечно, 2014 год и аннексия Крыма вызвали такое же безумие, какое у Когана вызвало обращение Сталина к русскому патриотизму. Иначе как безумием сознание имперского русского народа после Крыма назвать нельзя.

В сущности, после 2008 и особенно после 2014 года мы имеем дело со строительством четвертой русской империи, которая похожа скорее на вторую, империю Романовых, потому что в ней нет другой идеи кроме идеи самой империи. Нет ни идеи православной избранности, ни идеи социалистической избранности. В ней империя равна сама себе, империя *per se*. С другой стороны, именно имперский синдром объясняет такую любовь значительной части нынешних русских империалистов к Сталину. Потому что в отличие от Ленина, который мечтал о всемирном государстве, всячески принижая и даже предавая Россию, Сталин создавал свою империю на основе русского народа. Стоит еще раз напомнить, что никакого счастья самому народу эта империя не принесла, но приносила огромное удовольствие Сталину и его окружению.

Вот сейчас примерно то же самое происходит со строительством четвертой империи – империи Путина. Есть ли возможность остановить этот рост? Есть ли возможность не дать этой империи развиваться? Потому что если эта империя разовьется, а сейчас мы видим тенденцию к развитию, то это принесет неисчислимый вред миру и разрушит порядок, сложившийся после Второй мировой войны, который избавлял, по крайней мере Европу, от больших войн, да и в остальном мире было спокойнее. Есть ли возможность сейчас остановить движение к этой империи? Это огромная задача, огромный вопрос, который следует задавать самому русскому народу, потому что внешними силами попытку воссоздания империи остановить нельзя. Внешними силами разгромили

Второй Рейх, Империю Вильгельма, но через 15 лет возник нацизм. Как получилось так, что после разгрома нацизма в Германии не сложилось новое имперское сознание? Возможно ли пойти тем же путем для России? Это огромная задача.

В сущности, речь идет о том, можно ли перевести Россию из строящейся ныне авторитарной империи в содружество наций. Это единственный путь к решению проблемы. Я думаю, что в принципе это возможно, и для того, чтобы это сделать, нужно решить две задачи. Обе они очень сложные, но без их решения у нас ничего не получится. Мы не должны надеяться, что мы просто переубедим народ не строить империю. Это не удастся. Народ хочет строить империю. *Мы не можем заставить его не делать этого, если он хочет, потому что политики следуют воле народа, а не народ следует воле политиков.* И понятно, что если кто-то скажет: «Мы отказываемся от империи», за него просто не проголосуют на выборах, его проигнорируют. Надо действовать тоньше. Пути преодоления империи следующие: есть две большие задачи, которые надо решить, чтобы народ не захотел строить империю. Первая – это экономическое отвлечение. Народ беден, он становится все беднее и компенсирует свою бедность и несправие имперской идеей. Значит, надо дать народу богатство. В богатой стране, которой является Россия, богатство можно дать только одним способом – провести диффузию собственности. Отказ от олигархической собственности, тем более что никто в России, даже сами олигархи, не считают ее законной. И какая-то реформа перераспределения собственности – по всей видимости, лучше всего здесь центральноевропейский опыт реституции прав собственности, связанный с наследственным владением. Надо дать практически всему населению России возможность законного обретения собственности, приносящей какой-то доход. Это мгновенно отвлечет людей от безумной идеи империи и вернет их к практической задаче: ты можешь сам обогащаться, используя свою собственность. Обратите внимание, что первый мощный социальный протест в России – это протест водителей-дальнобойщиков, это протест частных собственников. Многие из них в 2014 г. были увлечены идеей Новороссии, а теперь им стало плевать на империю. Они поняли, что их частные экономические права находятся под угрозой и их надо защищать. Диффузия собственности, которую в целом решили страны Центральной Европы – это первая задача, это то, что обязательно нужно сделать в России и без чего имперская идея будет только разбухать, без чего она никогда не свернется.

Вторая задача – это формирование гражданского демократического общества, когда люди поймут, что организация жизни в их деревне, в их городе

и, в конечном счете, во всей России зависит от них. Это переход от авторитарного управления, от властной вертикали к самоуправлению. Это задача невероятной сложности, потому что нынешняя власть ставит на имперскую тему перспективу своего бытия. Нужно повернуть штурвал русской государственной машины почти на 180 градусов. Партии оппозиции так или иначе думают об этом, но они скорее думают о свободе, о самоуправлении, а не о диффузии собственности. Но одна свобода без изменения собственнических отношений бесперспективна. Она уже была в 90-е годы и не привела ни к чему, кроме разочарования в ней. Поэтому решение двух этих задач – невероятно сложное, но именно это было сделано в Германии после Второй мировой войны вместе с денацификацией – демократизация и декартелизация. В нашем случае нужно говорить о декоммунизации и о восстановлении прав собственности, которые не были, в такой степени как у нас, нарушены в Германии.

Именно это приведет к созданию процветающей неимперской России, которая будет одним из главных оплотов демократии, процветания и свободы на огромном пространстве Евразии, так же как Германия стала одним из главных оплотов процветания и богатства на европейском пространстве. Сможем ли мы, русские люди, решить эту двойную задачу – это одному Богу судить. Но мы должны во всей полноте представить себе, что без решения этой задачи мир ждет ужасное потрясение. Все само собой не рассосется. И в надежде на то, что мы сумеем объединить усилия России и Европы, которая сделает все, чтобы не допустить разрастания этого имперского синдрома, в надежде на то, что мы вместе, совместными силами преодолеем эту новую опасность, я и принес вам мои соображения по новому русскому имперскому сознанию и его значению в современной России.

ABSTRACT

Sources of Imperial Consciousness in Russia and Its Perspectives

Andrei Zubov

The author contemplates the problem of imperial thought as a historical phenomenon. He focuses primarily on the development of the imperial idea in Russia, its specific features and its role in shaping the political and historical consciousness of the Russian nation. The roots of the Russian imperial thought lie deeply in the history

of the state, according to the author. As the first, more or less comprehensive Russian concept, which included the idea of Russian enlargement against other peoples, the concept of the Third Rome can be considered. It was this idea that provided the necessary basis for the further development of the imperial idea, although the religious aspect was replaced by a feeling of national greatness in the times of Tsarist Russia. Another Empire, the Soviet Union built on the ruins of Tsarist Russia, was born in 1917 in the October Revolution. For the third time, the imperial policy of the state has changed. The author also notes that today we are dealing with the fourth Russian empire, the Putin empire, and asks whether the empire can be stopped.

Key words: Imperial Idea, Imperial Policy, Russia, Russian Empire, Russian Nation, Soviet Union.

Prof. Andrei Zubov is a Russian political scientist, historian and religionist. He is the editor of two-part Russian History of the 20th Century and also the author of a number of monographs and scientific articles.